Грубые слова мальчишки словно холодный дождь смыли мечтательный блеск с глаз всех остальных детей. Многие ребята помрачнели, некоторые даже разозлились, но на всех, кто пытался открыть рот и сказать что-то против, грозно смотрели то ли друзья, то ли родственники Лян Чао — два очень рослых парня, которые вели себя чуть ли не как его телохранители. Остальные дети были их значительно ниже и тоньше, и невольно все они опускали головы перед взглядом настолько откровенно враждебным.

И только девочка, Мая, не шелохнулась, не отступила. Неловкому, но светлому сиянию её глаз были ни по чём злые глаза мальчишек. Она встретила их взгляд, а потом очень тайно покосилась на Линь Фаня, который после упоминания своей прошлой личины ушёл в сторонку, отвернулся, и вообще был не при делах и с весьма занятым видом наблюдал за облаками. Но внимание девочки мужчина всё-таки заметил. Заметил и немного растерялся, а потом сердце Линь Фана дрогнуло.

«Она знает», — прошептал мужчина. Все остальные дети смутились, Лян Чао высокомерно усмехнулся, бугаи его ухмылялись, а Мая смотрела на мужчину краем глаза и… Улыбалась, немного смущённо, но радостно, и скрытно, как будто между ними была тайна. Линь Фан растерянно разинул рот.

Но потом сразу закрыл и сжал зубы.

Мужчина стал очень быстро перебирать в голове имена всех тех, кто мог знать о том, что он всё ещё был жив. Таких людей было немного. Ещё меньше из них имели представление о том, что жив он был именно здесь, на этой луне, что теперь его зовут Линь Фан, и что он работает физруком в местной школке.

И как ни посмотри, среди подозреваемых уж точно не было безродной школьницы. Откуда она о нём узнала?

Мужчина не понимал.

Взгляд горящих глаз девочки передавал многие чувства. Среди них было и то, сё, и эдакое, но самым яркое, что среди них было, и что привело Линь Фаня в чувства, как удар под дых, было благоговение. Когда мужчина увидел в глазах ребёнка благоговение, он забыл все свои заботы — ему просто стало дурно и мерзко.

Всего за мгновение, которое длился их взаимный взгляд, после которого девочка сразу же отвернулась, Линь Фан перестал испытывать к ней просто неприязнь, — она переросла в нём едва ли не в самое настоящее отвращение.

Мужчина больше мечников не терпел только один тип людей: своих фанатов.

Линь Фан вздохнул, взял свой свисток в губы и вдруг так засвистел, что дети немедленно сдавили свои уши ладонями. В случае Лян Чао уши ему накрыли его телохранители. Линь Фан свистел пока у них волосы не встали дыбом, и пока журавли, которые почему-то вернулись на площадку, снова не взмыли в небеса, осыпая её белыми перьями.

— Хватит болтать, — монотонным и сухим голосом сказал мужчина. — За работу. Разминка, три круга вокруг… Вокруг этого вот этого всего…

— Двора? — догадался по нетерпеливым взмахам руки мужчины мальчишка, которого звали, кажется, «Луковицей».

— Да, три круга вдоль двора.

— То есть, всего три круга? — переспросил мальчишка ещё раз и осмотрелся с прищуром. Двор был довольно компактным. С одной его стороны бежала белая стена школы, перебиваясь окнами; с другой была высокая железная сетка, построенная никто не знал зачем, потому что за нею тянулись сочные зелёные луга. Расстояние между сеткой и стеной было метров двадцать.

— Три значит три, — отмахнулся Линь Фан. Число он назвал наобум.

— Но ты беги тридцать три если хочешь. Старт, марш и аккуратней там, не наступите в птичий помёт.

Лицо мальчишки сделалось кислым. Потом он посмотрел себе под ноги, и оно стало у него совсем тёмным. Зазвучали тупые смешки, и Линь Фан, к своему огромному облегчению отметил, что кризис более-менее сошёл на нет.

«А теперь что мне с тобой делать… Фух…» — мужчина осторожно пробежался взглядом по девочке по имени Мая. Она его не заметила. Она встала на край дворика, вздохнула и побежала. Вскоре и остальные дети стартовали, каждый с разной стартовой полосы, потому что чёткой указано не было. Линь Фан отметил этот недочёт, но исправлять его не собирался, разумеется. Вместо этого мужчина прошёлся до сетки, где покоилась какая-то штука, накрытая пледом, сдернул этот плед и махнул им, сдувая пыль с лежащего под ним бамбукового стульчика.

Мужчина уселся на него и достал из широкого кармана своей спортивной куртки уже не такую прохладную, но ещё потную баночку ячменно-пшеничного пива. Рисовое Линь Фан никогда не любил. Мужчина вздохнул, расслабляя свои уже начинавшие неметь ноги, и уже собирался сделать глоток, как вдруг его взгляд как-то сам собой снова вернулся на детей. И сразу давление Линь Фана подскочило.

Потому что кое-кто не бежал.

Кое-кем был Лян Чао и его бугаи. Они просто присели на траву и говорили о чём-то. И обычно Линь Фану было бы всё равно, ведь ему платили за то, чтобы он тренировал детей, а не за то, чтобы они тренировались. Если кто-то из мелюзги не хотел бегать — пусть, зарплату ему за это не снизят, всё равно она была у него ровно по МРОТу, а премий он не видел с тех пор, как лет десять назад уснул пьяный прямо посреди школьной столовой…

Тем утром его разбудила директриса.

Ужасная женщина.

Старая…

Линь Фан покачал головой, прогоняя дурные воспоминания. Ещё раз, беда была не в том, что кому-то из детей приспичило лениться, даже если леность была демонстративной. Он и сам прохлаждался, в конце концов; проблема была в том, что у кого-то другого были с этим проблемы.

А если конкретнее, то опять занозой выступила черненькая девочка, Мая. Она прилежно бегала, но при этом то и дело поглядывала на Лян Чао и компанию, и с каждым взглядом она как будто пыталась решиться на что-то.

Мужчина отложил пленительную бутылочку, наклонился на своём стуле, сложил руки и стал очень напряжённо отсчитывать круги, в отчаянной надежде, что дети закончат разминку быстрее, чем эта девчонка... Бабахнет. И как любая прочая его надежда за последние тридцать лет, эта вообще не оправдалась.

Уже на втором круге Мая повернула и пошла в сторону Лян Чао. Пальцы Линь Фаня взялись массировать брови. Мужчина с трудом приподнялся, — спина его хрустнула, — и пошёл проверить, что там, чёрт возьми, опять происходит. Остальные дети пошли вместе с ним. Уже скоро мужчина услышал неловкие слова Маи, которые Лян Чао встречал своим надменным голосом:

— Мастер сказал бежать.

— Зачем оно мне? С чего я должен исполнять приказы школьного учителя? — «школьный учитель» прозвучало очень презрительно.

— Потому что... — заговорила девочка, и тут у Линь Фаня сердце ушло в пятки, потому что на секунду она снова посмотрела на него, и казалось, она хотела что-то сказать... Но к счастью Мая промолчала. Мужчина выдохнул.

— Что? Нечего ответить? Тогда отвали, — Лян Чао вдруг поднялся на ноги и с выпуклым презрением взглянул сперва на девочку, потом на всех остальных детей, которые тоже пришли смотреть на продолжение драмы, а потом и на Линь Фана. Взглянул на него мальчишка хмыкнул:

— Я из клана Лян. Слышали про такой? Это клан Четвертого ранга, ясно? Знаете, что это значит? Или мусор с мусорной планеты не понимает? — и сразу после его издёвки бугаи Лян Чао засмеялись вымученным хохотом.

Остальные дети смутились. Многие из них действительно ничего не знали про кланы и ранги. Толстый мальчишка по имени Луковица охнул, — он, похоже, знал, что значит клан Четвертого ранга, — и только Мая осталась непоколебима. Наоборот, взгляд девочки становился только всё более решительным.

Лян Чао явно был доволен, как все отреагировали, и потому продолжил:

— Вся эта школа, это нужно только для таких, как вы. Одна свалка возле другой свалки. Меня учили старейшины моего клана, настоящие культиваторы, а вас тут кто учит — этот бухой старый алкаш? — и снова он с явным презрением покосился на Линь Фана. Мужчина воспринял этот взгляд совершенно спокойно. Он действительно был старый алкаш, разве что не бухой, но и эту оплошность он хотел поскорее исправить, — ноги сами собой тянули его назад, на стул, возле которого он оставил драгоценную баночку.

Тут Мая хлопнула, немедленно привлекая к себе внимание и детей, и Линь Фана тоже.

— Если ты такой сильный, зачем ты сюда пришёл? — вдруг выпалила девочка.

Лян Чао хотел ответить, но опешил и покраснел.

Остальные дети наоборот, оживились. Если они мусор, а школа — свалка, то действительно, что здесь забыл сам Лян Чао? Или его выбросили из этого его клана? Прямо на помойку?

— Это временно, только на время это! — рявкнул разъярённый мальчишка, и его бугаи

немедленно закивали. — Мне просто нужно пробудить моё телосложение, и всё… — прошептал он сквозь зубы. Но Мая ему больше не отвечала. Как будто не считала нужным. Она даже отвернулась. Лян Чао не стерпел такого к себе отношения, — он вспылил и крикнул:

— Всё равно вы мусор, давайте, подходите, я вам всем шеи намылю! — он сжал свои кулаки. Дети испуганно расступились. Лян Чао был довольно высоким, и с виду казался года на два старше остальных детей. Он казался опасным. Вокруг него как будто витало невидимое давление.

«Первое Касание… Нет… Просто перенасыщение эликсирами…» — механически дал ему оценку Линь Фан. Первая стадия культивации называлась Первым Касанием, и мальчишка как будто уже был на этой стадии, по крайне мере он был примерно настолько же силён, но если присмотреться, становилось видно, что ни лёгкости, ни определённой грации, присущей культиваторам, у него не было. Скорее всего, источником его сил были многочисленные стимулирующие эликсиры, которых он выпил, возможно, даже слишком много. На самом деле потреблять их в таких количествах, в которых потреблял их юноша, было вредно. Они вызывали переизбыток жизненных сил, излишнюю агрессию и даже тромбоз.

— Ты… Ты пьёшь слишком много эликсиров, — вдруг заговорила Мая. — Так нельзя… Это опасно, — сказала девочка.

Линь Фан взглянул на неё с лёгким удивлением. У неё был зоркий глаз.

А Лян Чао ещё сильнее взбесился и рявкнул:

— Молчать. Будешь сражаться или нет? Или боишься? А, безродная? Я богатый и я могу себе это позволить, а ты и дальше жри из канавы.

Мая нахмурилась и снова она потянулась к своему поясу, как будто желая обнажить меч, и снова меча в её руках не оказалось. На какое-то мгновение девочка смутилась, и Линь Фань даже почувствовал к ней определённую жалость, как вдруг она совершила такое, что зарубило всякую симпатию от мужчины на корню:

— А мне не нужно. Тебе всё покажет кое-кто другой… Вот! — девчонка улыбнулась, как будто сама себе, и вдруг вытянула руку. Она показывала пальцем. Лян Чао и все остальные дети проследили, куда это она показывала, и Линь Фан тоже сделал вид, что ничего не понимает и повернулся, как будто пытаясь разглядеть этого вот неизвестного, который кому-то всё покажет, у себя за спиной.

Но там был пустой двор.

Мужчина взглянул на манящую баночку пива возле бамбукового стула, устало опустил плечи и повернулся.

http://tl.rulate.ru/book/52126/1311851